

Кирилл Моргунов

Родился в 1999 году в Череповце. Учится в Литературном институте им. А. М. Горького. Публиковался в журналах «Москва» и «Урал». В настоящее время живет в Москве.

из остывших следов и копыт поднимается лес, и кипит обновлённая жизнь под ногами, а мы думаем: что же над нами? и не видим ползущей травы, и не дышим слепыми цветами, пока ветер не скажет: «мертвы», но зачем-то моими словами.

Велосипед

Детство катится на одном Колесе без руля и педалей. Всё, что было когда-то дано, Раскурочили и раздали, Чтобы видеть, вдыхая годы, Новый «Аист», себя и лето, Судьбоносные повороты. Но быть не собой — а кем-то Чужим. Устаревшим словом, Обеспенившейся монетой. И, в сущности, быть готовым Окончательно кануть в лету. Но быть не собой — деталью Того самого велосипеда: Зелёной, блестящей сталью, И всюду таскаться следом За мальчиком деревенским По пыльным пустым дорогам, Полянам и перелескам, Ещё не забытым богом, Не тронутым человеком. Ночевать под густой берёзой, Обтекающей звёздным млеком. Таким же почти белёсым. Как кожа того мальчишки До первых касаний солнца. И быть не чужим, не лишним, Пока его сердце бьётся.

прозрачный дождь — разумная вода — широкий жест отравленного мира. неровно теплится последняя звезда, не взятая для царского мундира.

оставленная в небе на потом — на песни и циркачества победы. а дождь идёт — и капли ловят ртом солдаты, как истлевшие кометы.

и не понять — бесчинствует весна, буянит лето или бродит осень. а в воздухе, сверкает, как блесна, чужая смерть и тоже бъётся оземь.

густая кровь кипит в земных телах, а звёзды остывают на плечах.

обездвиженное дерево войны не шевелится от ветра, не шумит и, с какой ни пробуй стороны, не ломается, не сохнет, не горит. обездвиженное дерево войны: птичий обрывается полёт. мимо кто-то ходит и поёт и не чувствует ни горя, ни вины. что останется от дерева, когда шевельнётся лёгкое крыло? рушатся деревни, города, а его ничто не унесло. мокрая качается листва, и чернеют корни от вдовства.

Саше Малыгиной

Душа блестит на волосах И тем она светлей, Чем больше слёз несёт в руках И шепчет: «Не пролей».

Она идёт, как сирота, Не помня о родстве. И вся земная красота, Как блики на листве:

Воспоминания о тех, Кто сбросил свет и тень. Дрожит вода, как звонкий смех, Как раскалённый день.

Душа проходит сквозь себя И прячет злую дрожь. Так сердце верное скрепя, И ты — идёшь, идёшь.

Я выпал из гнезда и не взлетел.
Пока мои пернатые собратья
Чертили крыльями божественный предел,
Я наблюдал с земли, укутанный в объятья
Травы и света. Мой удел был прост
И чист. Я не желал другого,
Кроме того, как в полный божий рост —
не снизу-вверх-глядеть. И видеть слишком много!
Но всё же быть землёй, быть светом и травой,
Печальный свист даруя лебеде, —
Моя судьба. Пока родня гурьбой
по небу будет плыть, по небу и воде...

...как надежды печальны и зыбки. Если долго смотреть — потеряешь земные глаза. Поэтому слушай: там плавают красные рыбки Под красной луной. Через воду их тронуть нельзя. Там вода выше неба и небо с водою — одно. И как руку протянешь изгибу кровавого света, Исчезает рука и всё тело уходит на дно. На себе не показывай — это плохая примета.

Лошади на солнечной дороге Тянутся к несобранному хлебу. Цокают подкованные ноги Без запинки к облакам и небу. Ржанье поднимается всё выше С птицами, рождёнными на воле, Видятся в дыму родные крыши, И мерещится невспаханное поле. Хорошо на солнечной дороге! Не во что, как в стойле, упереться. Вот стоит на солнечном пороге Лошадиное распахнутое сердце. А подковы звонко отлетают, Со звездой соседствуя на небе. Лошади здесь больше не гуляют И не думают о людях и о хлебе.

Душа на вкус что талая вода, И всё в ней — свет, и всё — воспоминанье О прежней форме, где она одна — и тело, и слова, и долгое мерцанье холодных звёзд, застывших на снегу.